

Штрихи к портрету Виктора Астафьева

ей, в
москв
загон
кулдас
по и
я в к
е пон
тон

...А Я ЧУВСТВОВАЛ, знал, что он вернется в свою родную Сибирь. Не потому, что я такой уж пронзительный; как все смертные, ошибался, и сколько раз! А тут — чувствовал. И опять же не по той простенькой причине, что Вологда чем-то не могла его устроить: прекрасный город с прекрасными людьми, отличной творческой средой. Между прочим, если употреблять термин «вологодская школа», то он и в эту «школу» неплохо вписывался, оттого, может, и переселился в Вологду в шестьдесят девятом году.

«Но так уж устроен человек: пока он жив — растревоженно работают его сердце, голова, воображая в себя не только груз собственных воспоминаний, но и память о тех, кто встречался на расставаниях жизни и навсегда нанул в бурлящий людской водоворот либо прикипел к душе так, что уж не оторвать, не отделить ни боль его, ни радость от своей боли, от своей радости».

Это из самого начала астафьевской «Царь-рыбы», написанной в Вологде, под книгой — даты: «1972—1975». Вы слышите в ней ностальгические нотки по родным местам? По Сибири. И ведь вся книга-то о ней самой, о Сибири, словно надо было уехать от нее подальше, чтобы еще острее, больнее, радостнее почувствовать ее.

Бывают удивительные совпадения. Удивительные и закономерные. Собираясь писать об Астафьеве, я моментально вспомнил о другом превосходном писателе. Вот он как раз не прижился в Сибири, на Алтае, хотя как старался прижиться там; бросил писательство, поступил на курсы механизаторов, сам своими руками хотел осваивать целину. И там написал: «Тянет в простор поля с каждой весной упорней. Все-таки на селе все мои корни». Нет-нет, это не означало вообще на селе, он и так был там, на Алтае, не в городе. Тянуло его в родное Блудново, на Вологодчину. Как вы догадываетесь, я говорю об Александре Яшине. И ведь, когда он вернулся в свои родные палестины, каким ярким и жарким костром вспыхнул его талант! Начиная со знаменитой «Вологодской свадьбы». «Вологодской» — не мог не вынести само это сладкое для него слово в названии...

Я вовсе не хочу вывести из этих двух примеров некий закон, да еще универсальный: до какой-то поры, мол, в жизни человека, в том числе и художника, действуют силы центробежные, «когда» он, по словам поэта, готов «сердце по свету рассеять», а потом вступают силы центробежные. Производство таких доморощенных законов было бы предприятием слишком легким: их без труда можно изготавливать сотнями. Да к тому же и Яшин, и Астафьев не столько по доброй охоте рассеивали себя по свету, сколько

ко их «рассеивало». Астафьев до первой написанной им строчки был и беспризорником, и детдомовцем, и фээзушником, и солдатом, по-настоящему осел только после войны, а бродячий дух в нем, возможно, так и не уюмонился. И с Яшиным все не так просто: там тоже было много всяких сложностей. Я хочу сказать всего лишь одно: корни, о которых пишет Яшин, — все-таки великов и животворящее дело. Не случайно же Астафьев, живя не где-то посреди туркменских песков, а в Вологде, где и природа, и погода,

и люди не так далеки от сибирских, да и проблемы те же, написал «Царь-рыбу», так или иначе от первой до последней страницы о Сибири, куда и приехал-то вроде наездом. Первая фраза этой книги: «По своей воле и охоте редко уже мне приходится ездить на родину».

А конец помните? Напомню, хотя цитата будет большой:

«Переменилась моя родная Сибирь. Все течет, все изменяется — свидетельствует седая мудрость. Так было. Так есть. Так будет.

Время родиться и время умирать;

Время насаждать и время вырывать насаженное;

Время разрушать и время строить;

Время плакать и время смеяться;

Время стенать и время плясать;

Время разбрасывать камни и время собирать камни;

Время объять и время изъять;

Время исцелять и время терять;

Время хранить и время трагит;

Время рвать и время сшивать;

Время молчать и время говорить;

Время любить и время ненавидеть;

Время войне и время миру.

Так что же я ищу? Отчего мучаюсь? Почему? Зачем?

Нет мне ответа».

Вот когда я окончательно понял, что его гнездо не прилепится навсегда к вологодским постройкам, — когда прочитал этот библейски-горький конец. До меня еще заметили, что «Нет ответа» — еще вовсе не значит, что его вообще нет. Какой живой, думающий может остановиться на этом «нет»? Ответ надо искать. Лучше сообща, всем миром. В одиночку вряд ли отыщешь. И лучше каждому искать там, где начал искать.

Для Астафьева — в его Сибири. Нелегкой для него, ох, какой нелегкой Сибири: почитаете его «Кражу» и все поймете. Случайно ли после войны он не вернулся в Сибирь, а осел в Чусовой: вроде бы и недалеко до родных мест, но за горами. И тут же другой вопрос: случайно ли, что первый его рассказ «Гражданский человек», напечатанный в «Чусовском рабочем», был потом назван «Сибиряком»?

В интересной книге А. Ланчикова об Астафьеве автор часто спорит с теми, кто нажи-

мал на автобиографизм астафьевских произведений и защищает писателя от этого «греха». Простите, а какой это грех? Что плохого от того, что человек говорит и пишет о том, что он лучше всего знает, что видел, пропустил через свое сердце? Были когда-то времена, когда автобиография оставалась частным делом человека. Так и писали: «Частная жизнь...» Давно это не так, и радоваться ли этому или печалиться — тоже не знаю. Какая теперь частная жизнь... Вся жизнь того же Астафьева с малых лет проходила не то что на фоне истории, а в самой истории, хотя и был он всего лишь песчинкой. Но что там капля воды, в которой отражается... Песчинка тоже кое что несет в себе. Несет-то ее во всяком случае туда, куда несет ветер. Ветер века? Если угодно, применимо и такое высокое выражение.

Читая еще в рукописи «Пастуха и пастушку» Астафьева, я все время вспоминал один ответ маршала Конева на мой вопрос. Я задал ему, чего только не по-видавшему на войнах, вроде бы самый наивный вопрос: «Иван Степанович, а не можете ли вы рассказать о самом страшном, что вам пришлось испытать на войне?» И он ответил сразу же, и я увидел, что вопрос вовсе не кажется ему наивным: «Самое страшное я пережил однажды во время Корсунь-Шевченковской операции» (именно там и происходит действие «Пастуха и пастушки»). «Что?» Ответ был чисто русским: «Операция, как вы знаете, развернулась в январе и феврале. И вот когда мы уничтожали оказавшихся в «котле» гитлеровцев, я ехал по шоссе, и везде, куда ни глянь, были замерзшие трупы. Вот это и было самое страшное за всю войну». И, по-видимому, вновь внутренне содрогнувшись от воспоминания, маршал замолчал и больше не сказал ни слова. Да и что после этого было говорить? Повторяю: это был ответ русского человека, который и в ненависти к врагу может знать не одну ненависть, а способен испытывать и сострадание, понимание, что война — жестокое дело, и позавидеть бы о ней людям.

Не в этом ли пафос «Пастуха и пастушки»?

Виктор Астафьев — писатель суровый. Что ни вещь у него —

все правда, не подмалеванная никакими литературными румянами. Фальшь и Астафьев несовместимы. Оттого-то так не просто было с ним, когда он еще входил в известность.

Писатель чистейших тонов правды, какой бы она ни была тревожной и даже страшной. Реалист до мозга костей. И отлично знающий меж тем, что в жизни доброты и прекрасных людей нисколько не меньше, чем злых, коверкающих ту же самую жизнь. Это Астафьев не просто знает умом. Любостью к людям, всей широко распахнутой жизни душой. Это очень цельный, не дробящийся, не троящийся и тем более не дробящийся на мозаичные кусочки талант.

Сколько любви в «Пастухе и пастушке», в трагедии своей поднимающейся до высокой лирической символики! И опять я позволю себе большую цитату, Астафьев ведь еще и из тех, кого можно цитировать и цитировать, кого вслух можно читать, без боязни, что увянут от скучного томления лица слушающих.

«— Господи! — вздохнула женщина и дотронулась губами до того, что было могилой, но уже срослось с большим телом земли.

Костлявый татарник робкой мышью скребся о пирамиду, ну, Поной окутывая степь.

— Спи. Я пойду. Но я вернусь к тебе. Скоро. Совсем скоро мы будем вместе... Там уж никто не в силах разлучить нас.

Она шла и видела не ночную, благостно шестиступную степь, а море, в бескрайности которого одним баном началась пирамида, и зыбко было все в этом мире.

А он, или то, что было им когда-то, остался в безмолвной земле, опутанный норными трав и цвастов, утихших до весны. Остался один — посреди России».

«Его зарыли в шар земной...» — не напоминает ли вам эта концовка астафьевской повести прославленные строки Сергея Орлова? Помню, как Александр Трифонович Твардовский, прочтя рассказ Астафьева «Ясным ли днем», сказал: «А ведь он лирик, настоящий лирик, хотя, конечно, и золотой пробы прозаик». И добавил после короткого раздумья: «В писательстве, опять же настоящим, органичным, это нередко бывает неотделимо».

Не хочу сказать, что в этом своеобразии Астафьева, скорее само это своеобразие в традициях русской литературы, и тому несть числа классических примеров. Но то ли век такой, то ли сам Астафьев такого писательского склада, но только ненависть и любовь, боль и сострадание, правда и честность, суровая прямота живут в его произведениях с такой неотделимостью одно от другого и с такой пронзающей душу остротой, что не знаю и знать не хочу, чего у него больше. Царь-рыба ведь тоже вырастает до символа, но мы полны и к ней, израненной, вовсе не абстрактным состраданием, а болью, близкой к сердечной ломоте. Чтобы вызвать в читателя такое чувство — как самому надо чувствовать? Как жить?

Не в экологии дело, хотя и

в ней, не в войне и мире, хотя и в них, конечно. Люди тревожат писателя. Он их любит. Вот в чем суть Астафьева. Любит и бабушку свою, давно уже покоящуюся в могиле, скрасившую его сиротское детство; он навсегда отблагодарил ее за это, не раз выведя в своих произведениях, и написал о ней с такой нежностью, какая действительно не всякому лирику приснится. И Бориса Некляева из «Пастуха и пастушки», потерявшего душу на войне, а затем и жизнь. И охотника Култыша из ранней повести «Стародуб» — доброго хозяина тайги, на веки вечные одарившего писателя любовью к этой тайге, к Сибири. И бесчисленную «пацанву» из детдомовского детства. И многих, многих других, уже описанных и еще живущих в памяти и как бы ждущих своей очереди. Осмелюсь предположить — и думаю, небезосновательно, — что он и таких браконьеров, как Грохотало или Командор, или такого холодного, расчетливого тупаря, как Гога Герцев, не только презирает. Он и их бы хотел видеть людьми.

К тому, что это очень серьезный талант, это еще и очень жизнелюбивый талант. Верящий в людей. И надеющийся на них.

Поскольку моя статья об Астафьеве все равно получилась нелитературоведческой, да я и не стремился к этому, мне хотелось высказать всего лишь несколько впечатлений о нем. Заканчиваю ее двумя воспоминаниями.

Году, должно быть, в шестьдесят восьмом мы сидели летом на веранде сбоку кинотеатра «Россия». И вдруг Астафьев начал рассказывать об одном человеке, которого и я неплохо знал. Только Астафьев не знал, что я его знаю. А остальные, сидевшие за столиком, и представления о нем не имели. Но он стал так весело, озорно и блистательно точно набрасывать импровизационный портрет этого человека, что я абсолютно заново увидел его, а другие, не знавшие вовсе, слушали вначале завороченно, а потом загрохотали таким смехом, что мы обратили внимание всех сидевших на веранде.

Тогда я понял, как природно одарен Виктор Петрович Астафьев.

А второе воспоминание совсем недавнее и принадлежащее теперь миллионам зрителей.

Признаюсь, я с некоторым опасением ждал передачи по телевидению из Останкина «Вечер Виктора Астафьева». Прозаик все же не поэт, который и лядящий стихок может подать с эстрады вроде как настоящий. Но два с лишним часа шла передача. И оторваться от нее было невозможно: на следующий день я только и слышал: «Смотрели вчера?»

Умен, Серьезен. Честен. Абсолютно не банален. И предельно близок смотревшим на него и слушавшим. И я еще подумал тогда: совсем как на веранде «России». Только теперь перед всей страной.

Но он уже давно, задолго до этой передачи, стал писателем на всю страну.

Алексей КОНДРАТОВИЧ

Имени Валентина Овечкина

В первом номере журнала «Литературная учеба» за нынешний год сообщалось, что объявлен конкурс имени замечательного советского писателя-публициста Валентина Овечкина. И вскоре в редакционной почте появились материалы о тружениках Нечерноземья, их делах, успехах и неудачах, путях преодоления недостатков. Авторы — молодые журналисты, литераторы — не только поднимали различные проблемы, но и анализировали, искали их решение. За три весенних месяца юри рассмотрело

более пятидесяти работ, есть уже и лауреаты, но прежде чем назвать их, надо рассказать о самом конкурсе.

Идея его возникла неожиданно, но была не случайной. Редакция готовила беседу с первым секретарем Луховицкого райкома КПСС Московской области В. Е. Гусевым и двумя председателями колхозов из этого района Героями Социалистического Труда М. В. Поляковым и В. И. Шеволыным. Тогда в разговоре о том, как и что писать о современной деревне, о земледельцах, речь зашла о

публицистике В. Овечкина: «Есть в его «Районных буднях» уже были поставлены многие вопросы, над которыми задумываются и сегодня труженики села. И кому, как не молодым с их задором, боезитостью, стремлением по-хозяйски приложить свои силы и делу важному, государственному, писать о проблемах и людях села».

Так «родился» конкурс имени В. Овечкина на лучшую работу молодых очеркистов о преобразении Российского Нечерноземья, объявленный на всю одиннадцатую пятилетку. Юри его — работники редакций журнала «Литературная учеба», а также первый секретарь Луховицкого райкома партии В. Е. Гусев и председатель

колхоза имени Ильича М. В. Поляков. Очерки, присланные на конкурс, — свидетельства глубокой заинтересованности молодых литераторов в осуществлении программы освоения Нечерноземной зоны России, намеченной партией.

В июне, в день рождения В. Овечкина, в городе Луховицы Московской области состоялось вручение наград лауреатам конкурса нынешнего года. Первой премии удостоено издательство «Молодая гвардия» за сборник «Сердце Родины», составленный из очерков молодых литераторов Калуги, гор. Истрин, Тулы, Вологды и других городов Нечерноземья. Вторыми премиями юри отметили корреспондента газеты

«Комсомолец Удмуртии» Т. Филимонову за очерк «После реформы» об одном из лучших механизаторов республики и сотруднике журнала «Сельская молодежь» С. Манарова за ряд очерков о Нечерноземье, в том числе и о колхозах Луховицкого района.

Премии и дипломы вручил главный редактор журнала «Литературная учеба» Ал. Михайлов. От имени лауреатов выступил директор издательства «Молодая гвардия» В. И. Десятерин, который, в частности, сказал о том, что на полученную премию издательство приобретает книги для библиотек колхоза имени Ильича.

Конкурс продолжается.